

Алейна подняла руку, и Колемон умолк. Затем она наклонилась ближе и прошептала: «Я думаю, его отравили».

Глаза мастера стали очень круглыми. «Но... но кто бы мог подумать? Роберт Аррен - всего лишь мальчик, маленький грустный мальчик, к тому же нездоровый, плохо помнящий отца и потерявший мать, - он бы не...»

Ради меня, подумала Алейна с болью в сердце. Его отравляют ради меня. Если Харрольд собирался унаследовать Эйри, жениться на ней и увезти ее в Винтерфелл, Роберт должен был умереть. Если у нее и были какие-то сомнения, то они исчезли. «Этот печальный мальчишка - лорд Эйри и защитник Долины. Люди сделали втрое больше за половину награды».

«Это так, миледи, но... » Колемон покачал головой. «Я не поверю в это, даже если кто - кто это, вы знаете? Лорды-декларанты поклялись защищать права мальчика любой ценой, но я полагаю, что это был бы самый удобный предлог для того, кто желал зла, чтобы тайно пробраться среди них. ...это сир Харлан Хантер? Говорят, он уже убил своего отца-лорда Эона, и не будет ничего страшного, если он сделает это снова. Его старшие братья все еще стоят между ним и Лонгбоу-Холлом, и Гилвуду с Юстасом следовало бы позаботиться об этом. Но как Харлан Хантер сможет извлечь выгоду из смерти Роберта?»

Алейна сцепила пальцы на коленях. «Я не верю, что это сир Харлан».

«Миледи, тогда кто?»

Как я могу сказать? Если я назову Петира, все разлетится на куски. Бронзовый Йон Ройс, по крайней мере, воспримет это обвинение всерьез, хотя ему может возразить его кузен лорд Нестор, отец Ранды, которому Петир подарил этот самый замок, чтобы купить его поддержку. Но тогда в Долине вспыхнут мечи, и Гарри останется никем, а я никогда не вернусь домой, а останусь Алейной Стоун на всю оставшуюся жизнь. Что мог противопоставить этому один маленький больной мальчик?

«Я не знаю, - наконец солгала Алейна. «Но кое-что я слышала. ...от своего отца. . .»

«Может, мне нанять дегустатора, миледи?»

Не знаю, будет ли от этого толк. Свитслип был мягким, добрым ядом, вкусным, как мед, а маленький лорд Роберт обожал торты, пудинги и пироги. И мастер Колемон уже начал подозревать, сколько он принял, хотя щепотка прекращала приступы дрожи Роберта и надежно усыпляла его. «Я не знаю, что вам сказать, - наконец произнесла Алейна. «Но пусть кто-нибудь опросит повара». Остались ли в доме Роберта люди, не состоящие на службе у Петира? «Удостоверьтесь, что именно входит в его пищу. Это все, что я могу сказать на данный момент».

Мейстер Колемон кивнул, широко раскрыв глаза. «Да, миледи. Все будет сделано так, как вы

пожелаете».

«Благодарю вас». Алейна поднялась. «И еще одно. Будет разумно, если никто не узнает о том, что произошло между нами».

«Конечно, нет». Мейстер с поклоном удалился.

Алейна на мгновение замерла в коридоре в нерешительности. Затем она тихонько приоткрыла дверь опочивальни на засов и вошла к кузену.

Он беспокойно ворочался под одеялами, но, услышав ее слова, резко сел, чем привел ее в ужас. Его прекрасные неухоженные каштановые волосы падали на глаза, которые занимали большую часть свободного пространства на худом лице. «Алейна? Это ты?»

«Да, Свитробин. Это я». Она присела у изножья кровати, как раз вне пределов его досягаемости.

Лорд Роберт, не обращая на это внимания, с трудом выбрался и подполз к ней, обхватив ее за шею и осыпав влажными поцелуями. «Ты была на пиру вчера вечером? Я хотел пойти. Я хотела».

«Мой Свитробин вчера болел, я слышал».

Роберт Аррен надулся. «Это было несправедливо. Я бы пошел и сел на свое высокое сиденье, как я обычно делал с мамой. Она бы меня отпустила».

Несомненно, так оно и было; она позволяла ему делать и все остальное, что отчасти и стало причиной их нынешних трудностей. Роберт положил голову на грудь Алейны и уже прилип к ней, как прилипала; она осторожно ослабила хватку его пальцев на своем платье. Трудно было сказать, чувствовал ли он себя более шатким, чем обычно. Он всегда чувствовал себя неуклюжим и хлипким.

«Я был болен, - сказал маленький лорд Эйри. «Мейстер Колемон очистил меня. Мне не нравится, когда он так поступает. Вы должны заставить его прекратить».

«Дорогая, мейстер Колемон желает тебе только добра». Боюсь, это один из немногих оставшихся мужчин, кто так считает.

«Но он злой», - ныл Роберт. «Это больно».

Алейна вздохнула, отворачиваясь от очередной попытки поцеловать ее. Между ним и Мизинцем, похоже, это все, что я делаю. Должна ли я теперь добавить к этому Харролда?

«Свитробин, пожалуйста. Ты не можешь...»

«Я хочу вернуться в Эйри», - объявил Роберт. «Они умеют быть добрыми».

«Я уже говорил тебе, что мы не можем. Пока не наступит весна. Снегопады начались уже всерьез, это холодная белая могила».

Его губы задрожали. «Но я хочу !»

Я тоже хочу домой. Больше, чем ты можешь себе представить. «Мой Свитробин обещал быть храбрым. Помнишь, каким храбрым ты был, когда спустился сюда? Ради меня?»

«Я был храбрым, не так ли?» сказал Роберт, довольный.

«Да, был», - сказала она, и он улыбнулся ей такой застенчивой искренней улыбкой, что на мгновение она почти забыла о том, каким он может быть грубияном. Просто маленький мальчик, как сказал мейстер Колемон. Напуганный, больной и одинокий. Это не могло вызвать в ней внезапного желания стать постоянной нянькой лорда Роберта; на самом деле это только усугубило ее дилемму. Но она быстро обняла его. «Теперь ты здоров?»

«Вроде того», - с сомнением ответил Роберт и, прижавшись ближе, поспешно прокашлялся. «Спой мне, Алейна».

Чтобы вылечить тебя, милая, понадобится не только песня. «Я спою, если ты встанешь и оденешься. Выйди на воздух с сиром Лотором. Или с Майей, ты ведь знаешь Майю, не так ли?»

«С мулом? Она вонючая». Лорд Роберт сморщил нос. «И она холодная».

«Если вы хорошо закутаетесь, то не почувствуете его. Свежий воздух придаст вам сил». В спальне стоял затхлый запах, словно пролитые лекарства, испорченная еда и невытое постельное белье превратили ее в логово зверя, а не маленького мальчика. «А я позову сюда Гретчел или Мэдди, чтобы они все убрали и привели в порядок».

«Но они мне не нравятся».

«Да, но ты - лорд Эйри. Ты должен жить так, как тебе подходит, не так ли? Идем.» Алейна попыталась вытащить его из постели, но он сопротивлялся, упрямый, как рак-отшельник, забившийся в выбранную раковину.